

шением существующих в данной области проблем.

1. Завалко Н.А., Нурғалиева С.А., Бокаев Б.Н. Педагогическое сопровождение адаптации оралманов в образовательном пространстве Казахстана: Монография. - Алматы, «Кітап», 2010.-160 с.

2. Алтынбекова О.Б. Влияние репатриации оралманов на языковую ситуацию в Казахстане // Материалы III Международной научно-практической конференции «Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы, реализация, перспектива»-Тюмень (Россия), 2010.- С. 10-14.

3. Жаркынбекова Ш.К. Проблемы обучения студентов-оралманов профессиональному общению на русском языке // Материалы первой международной научно-практической методической конференции из цикла «Современная русистика в формировании единого культурного и информационного пространства Европы»: Обучение русскому языку студентов филологических и нефилологических факультетов ВУЗов – Люблин (Варшава), 2009.

4. Тынышбаева А.А., Жаркынбекова Ш.К., Нурғазина М.Б. Интеграционные программы для детей и семьи этнических репатриантов // Социальная модернизация Казахстана: Проблемы и перспективы: Материалы I – ой

Международной научно-практической конференции - Астана: ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, 2005. - С. 166-171.

5. Berend N. Sprachliche Anpassung. - Tübingen, 1999.

6. Fierman W. Kazakh language and prospects for its role in Kazakh "groupness" // Ab Imperio, 2/2005.

7. Пыж Е.М. Овладение произношением второго языка (на примере российских немцев в Берлине) // Вопросы романо-германского языкознания: сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во Саратов, ун-та, 1999. - Вып. 13. -С. 9-14.

8. Huang K. Campus mental health: the foreigner at your desk // Journal of American College Health Association, 25, 216—19, 1977.

В статье рассматриваются вопросы социокультурной и языковой адаптации репатриантов Казахстана. Дается анализ государственной политики по отношению к этническим мигрантам. Изложены результаты социолингвистического эксперимента, проводимого среди репатриантов в период с 2008 по 2010 гг.

The article studies issues of social-cultural and linguistic adaptation of repatriates of Kazakhstan. Here is an analysis of the state policy concerning ethnic migrants. Here are also results given in the social-linguistic experiment which was held among repatriates between 2008 and 2010.

Б. А. Газдиева

ИНГУШИ В КАЗАХСТАНЕ: К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ЭТНОЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ИНОНАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ

В эпоху глобализации для всех народов стал характерным поиск национальной идентичности и желание сохранить национальные особенности. Все это свидетельствует о высоком уровне национального самосознания. Причем, по данным анкетирования, многие из поколения репрессированных ингушей до сих пор тяжело переживают отсутствие привычного географического ландшафта и его составляющих: они все еще адаптируются к переезду в иную местность, испытывая настоящий кризис идентичности, и, культурный шок.

Самоидентификация человека осуществляется с определенной социальной или территориальной группой, прежде всего этнической. Установление и анализ этого процесса стал возможным в связи с проводимыми казахстанскими лингвистами проектами и разработками в рамках действующих ассоциаций народов, проживающих на территории Казахстана. «Каждая культура имеет свою «иерархию

защиты» и члены каждого конкретного общества эксплуатируют по преимуществу определенные защитные свойства своей психики, которые имеют сильную зависимость от национальной идентичности. Они явились одним из факторов самосохранения и выживания и еще более укрепились в ингушском народе в период депортации, из страха перед потерей национальной самобытности. В результате, в народе складывается свой образ жизни, послуживший барьером трансформации ингушского народа в другие культуры и его ассимиляции» [1, с. 211]. В.С. Ли констатирует, что язык в социолингвистическом плане это «культурный феномен, поскольку он «возделывается» человеком, человеческим обществом в ходе его использования, что в итоге формируется то понятие, которое принято называть языковой культурой...» [2, с. 451]. Подобные утверждения требуют дополнительных исследований, которые проводятся в различных государствах, на

территории которых волею судьбы оказались депортированные народы. Исследование ингушского языка в Казахстане представляет значительный интерес для ученых. Поскольку специфика родного языка ингушской диаспоры характеризуется, прежде всего, функционированием в инонациональном окружении в течение многих лет, что не могло не оказать своего воздействия на язык.

В этом ключе было построено исследование языковой и этнической идентичности ингушей в Казахстане, которое проводилось в рамках Международного научного проекта «Ингуши в России и в мире: социолингвистическое исследование», над которым работали ученые Ингушетии, России и Казахстана [3].

В течение двух лет, в рамках данного исследования проводился социолингвистический мониторинг по проблемам этнической и языковой идентичности. При этом проведено пилотное анкетирование и комплексное этнолингвокультурное исследование ингушской культуры, идентичности и языка в Казахстане и в мире, оказавшихся в результате репрессий далеко от исторической Родины.

Для казахстанских исследователей особенно важным было изучить состояние ингушей, проживающих в течение длительного времени в поликонфессиональном и поликультурном Казахстане и их этническую и государственную самоидентификацию посредством языковой идентичности. Тем более что в условиях трансформационных перемен в Казахстане, стали проявляться новые формы идентичности индивидов, что позволило выявить особенности развития межэтнических отношений.

Основным направлением проекта являлось изучение социокультурного портрета ингушей в условиях диаспоры, их этнической и языковой идентификации в контексте формирования новой языковой и социокультурной ситуации, казахстанской государственной идентичности и устойчивого развития межэтнических отношений, гетеростереотипов (стереотипов представления об ингушах и стереотипы восприятия); особое внимание уделено изучению граней взаимодействия ингушей с другими этносами.

Подобное исследование призвано внести вклад в решение проблем межкультурной толерантности и коммуникации, актуальных для современного казахстанского и мирового общества.

При этом среди множества различных имеющихся классификаций видов идентичности наше внимание привлекла принятая нами

классификация Л.И. Гришаевой, которая в своих исследованиях выделяет «различные виды идентичности: культурную, личностную, гендерную, индивидуальную, этническую, языковую. Основу этой классификации, по мнению автора, составляют те параметры, по которым личность себя идентифицирует» [4, с. 120]. Основные параметры этой классификации учтены были нами в процессе обработки анкетных данных.

По итогам первого этапа проекта проведен научно-теоретический семинар на тему «Этноязыковая ситуация в Казахстане и судьбы репрессированных народов», посвященный ингушскому народу (19 сентября 2007г.). На семинаре принимали участие руководители и члены стран-участников международного проекта (Россия: Назрань, Тюмень; Казахстан: Астана), представители чечено-ингушского национально-культурного центра «Вайнах» в гг. Астане и Алматы, ингушской диаспоры, общественные деятели и ученые. Как показали итоги семинара, проекта, исследования казахстанских ученых, материалы Ассоциации и Ассамблеи народа Казахстана, Большинство ингушей появилось на территории Казахстана в результате депортации 1944 года, небольшая часть вследствие репрессий 1937 года и миграции 1990-х гг.

В этот крайне сложный период ингушей объединяла общая беда и необходимость не только выжить, но и адаптироваться к новым условиям жизни, новому географическому ландшафту, климату и необходимости жить в многоязычном, многонациональном обществе (на своей Родине ингуши проживали компактно в моноэтнической среде). Все это требовало больших сил, воли и мужества, требовало больших усилий со стороны приехавших в другую республику ингушей, оставшихся без крова и родных. В этих условиях усиливается патриотизм ингушей, сохраняется национальная идентичность, самосознание, традиции и обычаи.

В своей работе Л.Я. Арабханова отмечает: «При сильной привязанности к культурному прошлому народа, последующих поколений, как это имеет место в ингушском народе, как бы власть не манипулировала символами, сохраняющими национальную идентичность, ей не разрушить пирамиду, на которой создавался менталитет того или иного народа... Одной из важнейших составляющих национальной идентичности является языковая идентичность» [1, с. 209].

Возникает ряд вопросов, которые необходимо изучить и описать: каковы же были составляющие народа, оказавшегося вдали от своей земли? Что способствовало сохранению этноязыковой идентичности в новом для них социокультурном пространстве? Прежде всего, определенную роль сыграли строгие патриархальные традиции ингушей, сложившиеся еще в древности, обязывали к беспрекословному подчинению старшим и взаимопомощи. Подтверждением этому являются многочисленные факты, когда после смерти родителей и близких, дальние родственники воспитывали их детей, несмотря на все трудности депортации и даже голод. Отношения в ингушском обществе традиционно строились на уважении, доверии и почитании старших и мудрейших; развиты были взаимовыручка и взаимоподдержка. Как показывают исследования, каждое новое поколение перенимает эти культурные образцы. При этом определенную позитивную роль в какой-то степени оказал и консервативный характер ингушей, который не позволил поддаться влиянию других культур, способных разрушить нравственные устои народа, даже в эпоху глобализации.

Будучи сравнительно малочисленными, ингуши в интересах самосохранения крайне редко заключали интернациональные браки. Это можно наблюдать и в ответах респондентов на свое отношение к подобным бракам, где основная часть респондентов ответили, что приветствуют мононациональные браки.

Основополагающим фактором при анализе идентификации является самобытность народа, способная сохраняться используется случаях культурной адаптации в обществе. При этом важным фактором является установка членов сообщества, которая позволяет сохранить свою самобытность.

Ингуши достойно перенесли все испытания судьбы, многие из тех, кто был репрессирован, дождался восстановления справедливости и государственного осуждения репрессивной политики советского государства, смогли вжиться в новое социокультурное пространство, при этом сохранив свою самобытность, этноязыковую идентичность и историческую память. Таким образом, в настоящее время уже уточнены многие термины, связанные с представленной в статье проблематикой, и предложен ряд аспектов исследования, а также опыт комплексного описания этноязыковой идентичности ингушей, проживающих в различных регионах.

Следует отметить, что в период репрессий, ингушей объединяла общая беда, необходимость выжить, а после возвращения на Северный Кавказ – необходимость восстановления государственности народа, экономики, развития науки и культуры, повышения численности населения. Это была огромная созидательная работа, требовавшая больших усилий. В этих задачах проявился патриотизм и национальная идентичность и самосознание народа.

Самобытность явилась основополагающим фактором при анализе идентификации и используется в качестве механизма культурной адаптации в обществе. Распад традиционной институции мог привести к потере центральной культурной темы ингушского народа – национальной идентичности, деградации духовных ценностей, при утрате всех возможностей самореализации в обществе и потому, народ сознательно дал себе установку на самосохранение.

Ингушский народ выдержал на себе все испытания сталинского тоталитарного режима, дождался восстановления ее справедливости и государственного осуждения репрессивной политики советского государства и, несмотря на все потери, сохранил историческую память» [1, с. 208-213].

Согласно точке зрения З.К. Сабитовой, «идентичность исследуется через язык как один из основных компонентов, формирующих этнос, один из инструментов социализации личности» [5, с. 124]. Язык, способный сохранять социально значимую информацию, передает ее из поколения в поколение. Этим он расширяет пространственные и временные границы, в результате чего осуществляется диалог культур.

События, связанные с позорными страницами отечественной истории XX века, то есть депортации целых народов, повлекли за собой массу серьезнейших и глубочайших изменений в национальном сознании людей, столкнув репрессированные этносы с многочисленными адаптационными проблемами. Эти события повлекли за собой и изменения языкового сознания целых народов, в частности ингушей.

Независимо от нашего желания, события подобного рода накладывают отпечаток на мировосприятие, как отдельной личности, так и целого народа. Меняется взгляд на жизнь, искажается система ценностных ориентиров, обостряются или притупляются отдельные черты, присущие данной этнической группе. В конечном счете, это формирует национальное сознание и самооценку народа. С 1944 г. в

Казахстане выросло три поколения ингушей, рожденных вдали от родины, не считая тех людей, которые в молодом возрасте были депортированы. Но хотя они родились на исторической родине, вся жизнь у них прошла в Казахстане. В этой ситуации интересно проследить, как менялось языковое сознание ингушей на протяжении более полувека проживания на территории республики Казахстан. И.И. Маремшаова в своей работе приводит такую мысль, «что трансформационные процессы этнического сознания, происходящие в годы депортации, определялись двумя этническими слагаемыми, те, кто был депортирован в зрелом возрасте и те, кто в младенчестве» [6, с.94].

В ходе наших исследований, мы выявили, что в 1944 г. были депортированы люди двух поколений. К первой группе можно отнести людей, депортированных в зрелом возрасте, с уже сложившимися взглядами на мироустройство, обладающих этническим самосознанием и определенными политическими убеждениями, и что характерно, в большинстве своем – монолингвов. В это время снижается уровень позитивной этнической идентичности. Если ранее этносу были характерны гордость за свой народ и его представителей, чувство собственного достоинства, адекватно высокая самооценка и т.д., то их сменили апатия, депрессия, неврозы, чувство ущемленности и неполноценности. Результатом многолетней ссылки стала также неспособность самостоятельно принимать решения. С одной стороны, это объяснялось длительностью периода подчинения, включающем комендантский час, ограничение в общении и передвижении, невозможность занять руководящие должности и т.д. С другой стороны, в неспособности принимать решения сыграла роль информация, которую использовали действующие субъекты. Опосредованное влияние прошлого во многом определяло поступки и решения. Но эта информация, прочно усвоенная старшим поколением переселенцев, находилась в явном противоречии с настоящим. Степень глубины и временной удаленности используемой информации обычно не велики и варьируются в зависимости от характера и проблематичности ситуации. В рассматриваемом нами случае, информация о прошлом (о жизни этноса до ссылки) доминировала. Старшее поколение бережно хранило воспоминания, пытаясь на них воспитывать молодежь. Таким образом, народ был подготовлен к непредсказуемости и к

неадекватности действий властей. Лучшие представления и мечты о будущем сводились к возврату к прошлому: к прошлому ареалу проживания, к прошлому жизненному укладу, к прошлым взаимоотношениям. При этом мнение и мироощущение старшего поколения ингушей играло значительную роль в социокультурных взаимодействиях ингушского общества, и существенно влияли на поведение действующих в обществе субъектов, во многом определяя путь развития этнического и языкового сознания. Ко второй группе можно отнести тех, кто в рассматриваемый период времени, был вывезен в Казахстан и Среднюю Азию в раннем возрасте, чье становление проходило в ссылке, и кто не располагал собственной информацией о жизни в моноэтнической среде, в отличие от старшего поколения. И.И. Маремшаова считает, «что развитие индивидуумов, принадлежащих к этой группе, происходило по двум направлениям, в основе которых лежит феномен маргинальности. Первое направление, с положительным знаком, соответствует конструктивной маргинальности. Каждый представитель этого направления – это человек-посредник между двумя культурами: традиционной и местной. Представители этого направления, как правило, воспитанники трехпоколенных семей, в которых строго соблюдались традиционные этнические порядки. Вместе с тем это люди, обладающие высокими адаптивными возможностями, сумевшие усвоить культуру той среды, в которой они вынуждены существовать. Представители этой группы, в большинстве своем, чувствовали себя достаточно комфортно и, как свидетельствуют информаторы, не испытывали острой нужды в возвращении на Кавказ» [6, с.116], поэтому многие из них остались. На историческую родину их влечет простое любопытство и стремление сравнить рассказы о былой счастливой жизни народа с реальными формами бытия. Эта категория способствовала обогащению национальной культуры и была наиболее эффективна и успешна в процессе урегулирования конфликтных ситуаций, споров. Но, к сожалению, второе направление по которому шло развитие младшей группы переселенцев, не было столь позитивным. «Представители этого направления обладали маргинальной этнической идентичностью и практически выпадали из нее, оставаясь в ней чисто номинально. Состояние маргинальности стало основой для разноплановых социальных ролей и культурных ориентаций у этой части народа. Такая амбивалентность вела к деперсонализации и по-

рождала внутреннюю напряженность» [6, с. 118]. Тем не менее, балансируя на стыке двух и более культур и не владея в должной мере нормами и ценностями ни одной из них, маргиналы второй группы испытывали большое желание вернуться на родину, где обстановка этнического единства помогла бы им определиться. По мнению профессора И.И. Маремшаовой, «если информация о прошлой жизни этноса у представителей первой группы порождала любопытство, то для представителей второй группы это был тот спасательный круг, который гарантировал решение многочисленных проблем» [6, с. 119].

Однако формирование представлений о прошлом, в условиях депортации и вдали от места компактного проживания этноса, не могло быть полноценным. Предметы материальной культуры, оказывающие большое влияние на этот процесс были полностью из него изъяты. Отсутствие архитектурных сооружений, созданных предками, национальных предметов быта, которыми они пользовались на протяжении многих веков, лишало ингушей, чье этническое сознание привыкло к данным материальным символам и осязаемым формам. В результате этих метаморфоз у поколений, выросших в ссылке, наблюдается деформация этнического сознания, а как следствие и языкового. В связи с этим, научный и практический интерес представляет рассмотрение динамики языкового состояния ингушей, путь от монолингвизма к полилингвизму.

1. Арапханова Л.Я. Спецпереселенцы. – М., 2004. – 319с.

2. Ли В.С. Языковая культура и языковые субкультуры (к проблеме взаимодействия языков и культур) // Межкультурная коммуникация и актуальные проблемы казахской, русской филологии: мат-лы междунаучно-практ. конф., посв. году России в Казахстане и 60-летию Казахского государственного женского педагогического института. – Алматы, 2004. – С.449–457.

3. Руководителями международного проекта явились: директор Института социальных исследований при ИнГГУ, к. филос.н. доц. Сампиев И.М. (Республика Ингушетия, г. Назрань), директор ЦГИ КМИ «Парасат», д.филол.н. проф. Шаймерденова Н.Ж. (Республика Казахстан, г. Алматы), директор ИГИ ТюмГУ, д.филол.н. проф. Карабулатова И.С. Также с казахстанской стороны в реализации проекта приняли участие: преподаватель Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, кандидат филологических наук Бурибаева М.А., преподаватель Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова Газдиева Б.А.

4. Гришаева Л.И. Введение в теорию лингвокультурной коммуникации: / учебное пособие для студ. лингв. фак. – М., 2006. – 336 с.

5. Сабитова З.К. Языковая идентичность и языковое сознание в межкультурной коммуникации // Международная конференция «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ. – Алматы, 2006. – С.124-132.

6. Маремшаова И.И. Культурно-исторические аспекты этноса карачаевцев и балкарцев в эволюционной перспективе: автореф. ... док. ист. наук. – Махачкала, 2003. – 42с.

* * *

Бұл мақалада шетел ұлттық социумдық жағдайдағы этнотілдік сана мен этнотілдік ұқсастықты сақтау мәселесі туралы жазылған.

* * *

The article describes the problem of preserving the ethno-linguistic consciousness and ethno-linguistic identity in a society of other nationalities.

И. Н. Гусейнова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В основе коммуникативной лингвистики лежит моделирование любой языковой единицы как реального элемента языковой коммуникации. Исходной единицей должен быть признан такой отрезок текста, который обеспечивает коммуникацию в целях достижения взаимопонимания.

Обратим внимание на особенности коммуникативного подхода, уделяющего особое внимание активной деятельности говорящего и слушающего, которые целесообразно применить к изучению диалога – одной из наиболее рас-

пространенных и наиболее характерных для человека форм коммуникативного взаимодействия. Основным способствующим фактором для диалогических отношений является коммуникативная ситуация, в которой можно выделить: 1) общие условия осуществления коммуникации (время и место); 2) её участники, каждый из которых должен быть охарактеризован в отношении его личностных параметров, когнитивного и эмоционального состояния, и 3) отношение между участниками коммуникации. В процессе развития комму-